

Конрад Лоренц. Так называемое зло

Имя австрийского биолога и философа, лауреата Нобелевской премии [Конрада Лоренца](#) (1903–1989) довольно хорошо известно. Готовя эту публикацию, я нашел пять ссылок на его работы у себя в блоге. В издании представлены две работы Лоренца: указанная в заголовке и Восемь смертных грехов цивилизованного человечества (впервые опубликована в 1972 г.). Лоренц считается одним из основоположников [этологи](#) — науки о поведении животных (в том числе, людей). Лоренц воевал (на стороне нацистов), попал в плен, где начал писать свой первый труд по этологии. Работы автора пронизаны системным взглядом. На прочтение книги меня натолкнул отзыв Алексея Васильева, одного из модераторов форума [LeanZone](#).

Конрад Лоренц. Так называемое зло. – М.: Культурная Революция, 2008. – 616 с.

На момент публикации заметки книга доступна только в букинистических магазинах.

Восемь смертных грехов цивилизованного человечества

Оптимистическое предисловие. Настоящая работа – призыв к раскаянию и исправлению, обращенный ко всему человечеству. В наше время некоторые опасности яснее всего видит естествоиспытатель. Поэтому проповедь становится его долгом. Я полагаю, что на бихевиористической доктрине лежит «изрядная доля вины в угрожающем Соединенным Штатам моральном и культурном развале». В тоже время доктрина эта, похоже вот-вот будет низложена.

Структурные свойства и нарушения функций живых систем. Этология рассматривает поведение животных и человека как функцию системы, обязанной своим существованием и своей особой формой историческому ходу ее становления, отразившемуся в истории вида, в развитии индивида и, у человека, в истории культуры.

В возникновении всех органических форм наряду с процессами мутации и рекомбинации генов важнейшую роль играет естественный отбор. В процессе отбора вырабатывается то, что мы называем приспособлением: это настоящий познавательный процесс, посредством которого организм воспринимает содержащуюся в окружающей среде информацию, важную для его выживания, или, иными словами, знание об окружающей среде.¹

Поул Вейс говорит: «Система — это все достаточно цельное, чтобы заслуживать отдельного названия». Одним из структурных свойств всех высокоинтегрированных органических систем является управление с помощью так называемых циклов регулирования, или гомеостазов. Благодаря отрицательной обратной связи в циклах регулирования нет необходимости в том, чтобы действие каждой участвующей в них подсистемы было установлено на строго

¹ Конрад Лоренц был другом детства Карла Поппера. Поэтому неудивительно, что эти авторы ссылаются друг на друга. Цитируемый отрывок определенно отсылает к эволюционной эпистемологии Карла Поппера; см. [Карл Поппер. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук](#).

определенное значение. Небольшое отклонение функции в ту или другую сторону легко выравнивается. Опасное расстройство всей системы может произойти лишь в случае, когда величина отдельной функции возрастает или уменьшается настолько, что гомеостаз не в состоянии ее выровнять.

Перенаселение. Скученность людей в тесном пространстве ведет к бесчеловечности косвенным образом — вследствие истощения и распада отношений между людьми: скученность самым непосредственным образом вызывает агрессивное поведение. Из множества опытов над животными известно, что скученность усиливает внутривидовую агрессию. Общее недружелюбие, наблюдаемое во всех больших городах, явно возрастает пропорционально плотности скопления людей в определенных местах.

Опустошение жизненного пространства. Все организмы данного жизненного пространства приспособлены друг к другу. Это относится и к тем из них, которые на первый взгляд друг другу враждебны, как, например, хищник и его добыча. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эти организмы, рассматриваемые как виды, а не как индивиды, не только не вредят друг другу, но часто даже объединены общностью интересов. Редко случается, чтобы размножение животного прямо зависело от количества наличной еды.

Нередко случается, что пожирающий вид приносит пожираемому явную пользу. Два вида живых организмов могут находиться в отношениях зависимости, очень похожих на взаимоотношения человека с его домашними животными и культурными растениями. Поэтому и закономерности таких взаимодействий часто напоминают экономику человека, изучающая их биологическая дисциплина называется экологией, так что самый термин подчеркивает указанное сходство. Приспособление различных видов живых организмов в течение промежутков времени, сравнимых не с историей человечества, а с геологическими периодами, привело к состояниям равновесия, столь же достойным изумления, сколь и легко уязвимым. Экологическая среда человека меняется во много раз быстрее, чем у всех других живых существ.

Цивилизованное человечество готовит себе экологическую катастрофу, слепо и варварски опустошая окружающую и кормящую его живую природу. И меньше всего человечество замечает, какой ущерб наносит этот варварский процесс его душе. Откуда возьмется у подрастающего человека благоговение перед чем бы то ни было, если все, что он видит вокруг себя, является делом рук человеческих, и притом весьма убогим и безобразным? Достаточно сравнить с открытыми глазами старый центр любого немецкого города с его современной окраиной или эту позорную для культуры окраину, быстро вгрызающуюся в окружающую землю, с еще не захваченными ею местами. Сравните затем гистологическую картину любой здоровой ткани с картиной злокачественной опухоли: вы обнаружите поразительные аналогии! Если это впечатление выразить объективно и перевести с языка эстетики на язык науки, то в основе этих различий лежит *потеря информации*.

Клетка злокачественной опухоли отличается от нормальной прежде всего тем, что она лишена генетической информации, необходимой для того, чтобы быть полезным членом сообщества клеток организма. Аналогичные здоровые пространства «застраивались» по многочисленным, очень различным, но тонко дифференцированным и дополняющим друг друга планам, мудрая уравновешенность которых достигалась благодаря информации, накопившейся в процессе длительного исторического развития, между тем как пространства, опустошенные опухолью или современной техникой, заполнены немногими крайне упрощенными конструкциями (очень интересное исследование на эту тему выполнила Джейн Джекобс, см. [Смерть и жизнь больших американских городов](#)).

Бег наперегонки с самим собой. Для поддержания равновесия живых систем необходимы циклы регулирования, или отрицательные обратные связи (см. [Обратная связь – основа поддержания и развития](#)). Специальный случаи положительной обратной связи встречается, когда индивиды одного и того же вида вступают между собой в соревнование, влияющее на развитие вида посредством отбора. Этот внутривидовой отбор действует совсем иначе, чем отбор, происходящий от факторов окружающей среды. Вызываемые им изменения наследственного материала не только не повышают перспектив выживания соответствующего вида, но в большинстве случаев заметно их снижают.

Благотворные регулирующие силы не действуют в культурном развитии человечества: оно сумело, на горе себе, подчинить своей власти всю окружающую среду, но знает о самом себе так мало, что стало беспомощной жертвой дьявольских сил внутривидового отбора. Под давлением соревнования между людьми уже почти забыто все, что хорошо и полезно для человечества в целом и даже для отдельного человека. Подавляющее большинство ныне живущих людей воспринимает как ценность лишь то, что лучше помогает им перегнать своих собратьев в безжалостной конкурентной борьбе.

Боязливая спешка и торопливый страх в значительной мере повинны в потере человеком своих важнейших качеств. Одно из них – рефлексия. Существо, еще не знавшее о собственном существовании, никоим образом не могло развить отвлеченное мышление, словесный язык, совесть и ответственную мораль. Существо, перестающее рефлексировать, подвергается опасности потерять все эти свойства и способности, специфические для человека.

Каждый циклический процесс с положительной обратной связью рано или поздно ведет к катастрофе. Кроме коммерческого внутривидового отбора на все ускоряющийся темп работы действует и другой опасный циклический процесс — процесс, ведущий к постоянному возрастанию человеческих потребностей. Дьявольский круг, в котором сцеплены друг с другом непрерывно нарастающие производство и потребление, вызывает к жизни явления роскоши, а это рано или поздно приведет к пагубным последствиям все западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты; в самом деле, их население не выдержит конкуренции с менее изнеженным и более здоровым населением стран Востока.

Тепловая смерть чувства. У всех живых существ, способных к образованию условных реакций Павловского типа, этот процесс может вызываться двумя противоположными по своему действию видами стимулов: во-первых, приносящими стимулами, усиливающими предшествующее поведение, во-вторых, отучающими, ослабляющими или вовсе тормозящими его. У человека действие стимулов первого рода связано с чувством удовольствия, второго — с чувством неудовольствия. Избегание ситуаций, причиняющих неудовольствие может привести к опасной изнеженности, что часто ведет к гибели культуры. И наоборот, действие ситуаций, доставляющих удовольствие, может быть усилено ловким сочетанием стимулов, что ведет к пороку.

Преувеличенное стремление любой ценой избежать малейшего неудовольствия неизбежно влечет за собой исчезновение определенных форм удовольствия, в основе которых лежит контраст. Как говорит Гете, «веселым праздникам» должны предшествовать «тяжкие недели». Уклонение от неудовольствия уничтожает радость. Гельмут Шульце указал на примечательное обстоятельство: ни слово, ни понятие «радость» не встречаются у Фрейда. Все возрастающая нетерпимость к неудовольствию превращает возникшие по воле природы вершины и бездны человеческой жизни в искусственно выровненную плоскость, из величественных гребней и провалов волн она делает едва ощутимую зыбь, из света и тени — однообразную серость. Короче, она создает смертную скуку.

Эта «эмоциональная тепловая смерть» особенно сильно угрожает, по-видимому, радостям и страданиям, неизбежно возникающим из наших общественных отношений, из наших связей с супругами и детьми, родителями, родственниками и друзьями. Кто избегает страдания, лишает себя существенной части человеческой жизни.

Генетическое вырождение. Некоторые способы социального поведения приносят пользу сообществу, но вредны для индивида. Если, например, у галок возникает защитная реакция, при которой каждый индивид в высшей степени храбро вступает за схваченного хищником собрата по виду, то легко понять и объяснить, почему группа, члены которой ведут себя таким образом, имеет больше шансов на выживание, чем группа, где такого поведения нет. Что, однако, препятствует появлению внутри группы таких индивидов, у которых реакция защиты товарищей отсутствует. Мутации выпадения функций вполне вероятны и рано или поздно непременно происходят. И если они относятся к альтруистическому поведению, о котором шла речь, то для затронутого ими индивида они должны означать селекционное преимущество, если допустить, что защищать братьев по виду опасно. Но тогда подобные «асоциальные элементы», паразитируя на социальном поведении своих еще нормальных братьев, рано или поздно должны были бы составить в таком обществе большинство.

Мы не знаем, что препятствует разложению сообщества социальными паразитами у общественных позвоночных. У нас, людей, нормальный член общества наделен весьма специфическими формами реакций, которыми он отвечает на асоциальное поведение. Оно «возмущает» нас, и самый кроткий из людей реагирует прямым нападением, увидев, что обижают ребенка или насилуют женщину.

Инстинктивные побуждения и культурно обусловленное, ответственное владение ими составляют единую систему, в которой функции обеих подсистем точно согласованы друг с другом. Криминологии хорошо известно, как мало можно надеяться превратить в социальных людей так называемых эмоционально бедных. Недостаточный личный контакт с матерью в младенческом возрасте вызывает неспособность к социальным связям, симптомы которой чрезвычайно напоминают врожденную эмоциональную бедность. Итак, если неверно, что все врожденные дефекты неизлечимы, то еще менее верно, будто излечимы все приобретенные.

Чтобы понять эти крайности общественного мнения, нужно прежде всего отдать себе отчет в том, что оно является функцией одной из тех саморегулирующихся систем, которым, как мы говорили вначале, свойственны колебания. Общественное мнение инертно, оно реагирует на новые влияния лишь после длительной «задержки», сверх того, оно любит грубые упрощения, большей частью преувеличивающие подлинное положение вещей. Поэтому оппозиция, критикующая общественное мнение, по отношению к нему чуть ли не всегда права. Но в схватке мнений она переходит на крайние позиции, каких никогда не заняла бы, если бы не стремилась компенсировать противоположное мнение. И если господствовавшее до этого мнение рухнет — а это обычно происходит внезапно, — то маятник колеблется в сторону столь же крайнего, преувеличенного взгляда прежней оппозиции.

Нынешняя гротескная форма либеральной демократии находится в кульминационной точке колебания. На противоположном конце, где маятник находился не так уж давно, были Эйхман и Освенцим, эвтаназия, расовая ненависть, уничтожение народов и суд Линча.

Один из многих парадоксов, в которых запуталось цивилизованное человечество, состоит в том, что требование человечности по отношению к личности опять вступило здесь, в противоречие с интересами человечества. Наше сострадание к асоциальным отщепенцам, неполноценность которых может быть вызвана либо необратимым повреждением в раннем возрасте, либо наследственным недостатком, мешает нам защитить тех, кто этим пороком не поражен. Нельзя даже применять к людям слова «неполноценный» и «полноценный», не навлекая на себя сразу же подозрение, что ты сторонник газовых камер.

Опасные последствия нынешней тенденции к абсолютной терпимости усиливаются еще и действием псевдодемократической доктрины, считающей все поведение человека результатом обучения. В нашем поведении многое зависит от благословения или проклятия, которое запечатлела в нас в раннем детстве более или менее пронизательная, ответственная и, прежде всего, эмоционально здоровая родительская чета. Столь же многое, если не большее, обусловлено генетически.

Кто умеет мыслить биологически и знает салу инстинктивных побуждений, а также относительное бессилие всякой ответственной морали и всевозможных благих намерений, тот видит в отщепенце не дьявольски злого, а больного человека. Но если к такой установке присоединяется еще заблуждение псевдодемократической доктрины, будто все человеческое поведение можно неограниченно изменять и исправлять, то отсюда происходит тяжкое преступление против сообщества людей. Нужно понять, что в условиях современной цивилизованной жизни нет ни одного фактора, осуществляющего отбор в направлении простой доброты и порядочности, за исключением нашего врожденного чувства к этим ценностям.

Мы должны научиться соединять пронизательную гуманность по отношению к индивиду с учетом того, что нужно человеческому сообществу. Разложение генетически закрепленных форм поведения угрожает нам Апокалипсисом.

Разрыв с традицией. Историческое развитие культуры происходит на много порядков быстрее, чем филогенез любого существующего вида. Но метод выбора из многообразного данного материала того, что подлежит сохранению, в обоих случаях явно один и тот же: это отбор после

основательного испытания. Величайшая консервативность в сохранении однажды испытанного принадлежит к числу жизненно необходимых свойств аппарата традиции, осуществляющего в развитии культуры ту же функцию, какую геном выполняет в изменении видов.

Заблуждение, будто лишь рационально постижимое или даже лишь научно доказуемое доставляет прочное достояние человеческого знания, приносит губительные плоды. Оно побуждает «научно просвещенную» молодежь выбрасывать за борт бесценные сокровища мудрости и знания, заключенные в традициях любой старой культуры и в учениях великих мировых религий. Кто полагает, что всему этому грош цена, закономерно впадает и в другую столь же губительную ошибку, считая, что наука конечно же может создать всю культуру со всеми ее атрибутами чисто рациональным путем из ничего. Это почти так же глупо, как мнение, будто мы уже достаточно знаем, чтобы как угодно «улучшить» человека, переделав человеческий геном.

В наше время, при темпе развития, навязанном нынешней культуре ее техникой, критически настроенная молодежь справедливо считает устаревшей весьма значительную часть традиционного достояния, все еще хранимого старшим поколением.

Эмоциональное возбуждение тормозит разумное действие, гипоталамус блокирует кору. Ни к какой самой извращенной эмоции это не относится в такой степени, как к коллективной, этнической ненависти, которую мы слишком хорошо знаем под именем национальной. Надо понять, что ненависть младшего поколения к старшим имеет тот же источник. Ненависть извращает и обращает в свою противоположность любое полученное сообщение.

Индоктринируемость. То, что поначалу в виде предположения думают, при испытании на конкретных случаях очень часто оказывается ошибочным, но, если предположение выдерживает такое испытание достаточно часто, оно становится знанием. В науке эти процессы называют построением гипотезы и проверкой. Карл Поппер и Дональд Кэмпбелл называют этот метод сравнением признаков.

Гипотеза никогда не опровергается единственным противоречащим ей фактом; опровергается она лишь другой гипотезой, которой подчиняется большее число фактов.

Доверие к слову учителя, сколь бы оно ни было ценно при основании новой «школы», влечет за собой опасность образования доктрины. Если еще вдобавок теория слишком пластична и мало стимулирует опровержение, то это вместе с почтением к учителю может привести к тому, что ученики превращаются в последователей, а школа — в религию и культ, как это произошло во многих местах с учением Зигмунда Фрейда.

Другим примером доктрины является то, что рефлекс стал рассматриваться как важнейший и даже единственный составляющий элемент всех, даже наиболее сложных нервных процессов. Ортодоксальные приверженцы этого учения заявляют, что человек рождается подобным чистому листу бумаги, а все, что он думает, чувствует, знает и во что он верит, является результатом его рефлексии.

Что все люди имеют право на равные возможности развития — это несомненная этическая истина. Слишком легко, однако, эта истина обращается в ложь, будто все люди потенциально равноценны. Бихевиористская доктрина идет еще дальше, заявляя, что все люди были бы равны друг другу, если бы могли развиваться в одинаковых внешних условиях, и притом стали бы совершенно идеальными людьми, если бы только эти условия были идеальными.

Самый неотразимый метод, позволяющий манипулировать большими массами людей, унифицируя их устремления, доставляет *мода*.

Каждая естественная наука, и физика в том числе, начинается с описания, переходит затем к упорядочению описанных явлений и лишь после этого к абстрагированию их закономерностей. Эксперимент служит для проверки абстрагированных законов природы и занимает поэтому в ряду методов последнее место. Эти стадии, выделенные уже Виндельбандом под именами дескриптивной, систематической и номотетической, должна пройти каждая естественная наука. Чем сложнее и выше интегрирована органическая система, тем строже должна соблюдаться виндельбандовская последовательность методов; поэтому именно в области исследования поведения современный преждевременно экспериментальный операционализм приносит

особенно абсурдные плоды. Это ложное направление, конечно, поддерживается верой в псевдодемократическую доктрину, согласно которой поведение животного и человека определяется вовсе не филогенетически возникшими структурами центральной нервной системы, а исключительно внешними влияниями и обучением.

Методическая ошибка, которую мы называем редукционизмом, состоит в стремлении свести все явления жизни, даже принадлежащие наивысшим уровням интеграции, к основным законам природы. При таких попытках объяснения упускается из виду безмерно сложная структура, в которую складываются подсистемы и из которой только и могут быть поняты системные свойства целого.

Резюме. Мы рассмотрели восемь различных, но тесно связанных причинными отношениями процессов, угрожающих гибелью не только нашей нынешней культуре, но и всему человечеству как виду:

1. Перенаселение Земли.
2. Опустошение естественного жизненного пространства.
3. Бег человечества наперегонки с самим собой.
4. Исчезновение всех сильных чувств и аффектов вследствие изнеженности.
5. Генетическое вырождение.
6. Разрыв с традицией.
7. Возрастающая индоктринируемость человечеств (унификация взглядов).
8. Ядерное оружие навлекает на человечество опасность, но ее легче избежать, чем опасностей от описанных выше семи других процессов.

Так называемое зло. К естественной истории агрессии

Предисловие. Книга посвящена агрессии – то есть инстинкту борьбы против собратьев по виду – у животных и человека. Этологи знают уже вполне достаточно о естественной истории агрессии, чтобы говорить о причинах некоторых нарушений функции этого инстинкта у человека.

Структура взаимодействий инстинктивных и выработанных культурой форм поведения, составляющих общественную жизнь человека, несомненно является самой сложной системой из всех, какие мы знаем на нашей планете. И чтобы стали понятны те немногие причинные связи, которые я могу, как мне кажется, проследить в этом запутанном клубке взаимодействий, волею-неволею придется начать издалека. Я надеюсь, что образцы поведения животных удержат внимание читателя до тех пор, пока он подойдет к пониманию глубинных взаимосвязей.

Подвести его к этому я стараюсь по возможности тем же путем, каким шел сам. Индуктивное естествознание всегда начинается с непредвзятого наблюдения отдельных фактов и от них переходит к абстрагированию общих закономерностей, которым все эти факты подчиняются.

Глава 1. Пролог в море. Исследуя коралловые рифы, которые длинной цепью примыкают к южной оконечности полуострова Флорида, я формулирую увиденное в нескольких коротких фразах. Кричаще яркие, «плакатно» окрашенные рыбы – все оседлые. Только они на моих глазах защищали участок. Их яростная враждебность направлена только против им подобных; я ни разу не видел, чтобы рыбы разных видов нападали друг на друга, как бы ни были обе они агрессивны.

Глава 2. Продолжение в лаборатории. Полезная зарядка для исследователя – каждое утро перед завтраком расправляться с какой-нибудь своей любимой гипотезой. Она сохраняет молодость. Изучать красочных рыб коралловых рифов я начал несколькими годами раньше. Больше всего волновал меня вопрос: зачем же все-таки эти рыбы так яркие? С тех пор как благодаря Чарльзу Дарвину мы знаем об историческом становлении мира организмов и даже, более того, кое-что о причинах этого становления, вопрос «зачем?» означает для нас нечто вполне определенное. Мы знаем, что причиной изменения формы органа является его *функция*.

Я сделал неожиданное открытие: как правило, совершенно невозможно держать в небольшом аквариуме больше одной коралловой рыбы одного вида действительно яркой расцветки. Стоило поместить в аквариум несколько рыб одного вида, как вскоре, после яростных баталий, в живых оставалась лишь самая сильная. Когда животные за неимением собратьев по виду приходилось переносить свою агрессивность на другие объекты, выбирали при этом наиболее близких родственников или виды, похожие хотя бы по окраске.

По отношению к собратьям по виду рыбы во много раз агрессивнее, чем по отношению к рыбам других видов. Однако, многие виды далеко не столь агрессивны, как коралловые рыбы, над которыми я экспериментировал. Напрашивается мысль о тесной взаимосвязи между окраской, агрессивностью и оседлостью. Как и расцветка коралловой рыбы, песня соловья служит для того, чтобы издали оповестить собратьев по виду – ибо обращена только к ним, – что здешний участок уже нашел себе постоянного и воинственного владельца.

Глава 3. Чем хорошо зло. Борьба встречается в природе на каждом шагу. Выражение Дарвина «борьба за существование» – это в первую очередь конкуренция между ближайшими родственниками. У нас есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной из всех опасностей, угрожающих человечеству в современных культурно-исторических и технических условиях.

Яркие «плакатные» расцветки и вызываемые ими избирательные боевые реакции приводят к тому, что каждая рыба того или иного вида выдерживает определенную дистанцию лишь по отношению к своим сородичам, которые являются ее конкурентами, поскольку нуждаются в той же пище. В этом и состоит совсем ответ на вопрос о функции расцветки коралловых рыб.

Нужно упомянуть об одном факте, который кажется поразительным: чисто внутривидовой отбор может привести к возникновению таких форм и таких способов поведения, которые не только совершенно бесполезны для приспособления к среде, но могут непосредственно вредить сохранению вида. Если отбор направляется в ту или иную сторону лишь половым соперничеством, без связи с какой-нибудь видосохраняющей функцией, нацеленной на окружающий мир, то при известных обстоятельствах это может привести к появлению причудливых образований, совершенно бесполезных для вида как такового. Например, олени рога развились исключительно для поединков; безрогий олень не имеет ни малейших шансов произвести потомство. Ни для чего другого рога, как известно, не нужны. От хищников олени-самцы

Такой «неправильный» отбор всегда происходит в тех случаях, когда он направляется только конкуренцией собратьев по виду без связи с вневидовым окружением. Мой учитель Оскар Гейнрот имел обыкновение шутить: «Наряду с перьями большого аргуса, темп работы человека западной цивилизации – глупейший продукт внутривидового отбора».

Человек по понятным причинам особенно подвержен вредным воздействиям внутривидового отбора. Он подчинил себе все враждебные силы вневидового мира, как ни одно живое существо до него. Ванс Паккард в книге [Тайные манипуляторы](#) рисует впечатляющую картину тупика, в который может зайти коммерческая конкуренция. Именно агрессивное поведение в большей степени, чем другие свойства и функции, может перерасти ввиду своего пагубного воздействия в гротескные и нецелесообразные явления.

Отныне движущим фактором отбора стала война, которую вели друг с другом враждующие соседние группы людей; а война должна была до крайности развить все так называемые «воинские доблести». К сожалению, они еще и сегодня кажутся многим людям идеалом. Возвращаясь к теме о значении поединков для сохранения вида, мы утверждаем, что они служат полезному отбору лишь тогда, когда благодаря им появляются бойцы, проверяемые не только внутривидовыми дуэльными правилами, но и противостоянием вневидовым врагам.

Однако, было бы ошибкой думать, что для сохранения вида важны только три уже рассмотренных функции агрессивного поведения – распределение особей одного вида по жизненному пространству, отбор в поединках и защита потомства. Роль агрессии в сообществе социальных животных, без которой, по-видимому, не может развиваться организованная совместная жизнь высших животных, привела к так называемому ранговому порядку. Каждый знает, кто сильнее его и, кто слабее, так что каждый может без борьбы отступить перед более сильным и, в свою очередь, может ожидать, что более слабый отступит перед ним.

Вместе с уровнем развития вида животных возрастает значение индивидуального опыта и обучения, в то время как врожденное поведение хотя и не теряет своей важности, но сводится к более простым элементам.

Глава 4. Спонтанность агрессии. Понимание того, что агрессия является подлинным, первичным инстинктом, направленным на сохранение вида, позволяет вполне осознать всю ее опасность:

опасность этого инстинкта состоит именно в его спонтанности. Если бы он был, как полагали многие социологи и психологи, лишь реакцией на определенные внешние условия, то положение человечества было бы не столь опасным. Тогда можно было бы, в принципе, изучить и исключить факторы, вызывающие эту реакцию. Самостоятельное значение агрессии первым распознал Фрейд; он же указал на то, что к числу способствующих ей сильных факторов принадлежит недостаток социальных контактов и особенно их лишение (утрата любви).

Первым, кто сделал явления спонтанности предметом научного изучения, был Уоллес Крейг. Крейг провел серию опытов с самцами горлицы, отбирая у них самок на постепенно возрастающие промежутки времени и выясняя, какие объекты могли все же вызывать токование самца. Оказалось, что чем дольше самец оставался без самки, тем более простой объект запускал токование. В переводе на язык физиологии эти наблюдения означают, что при длительном неупражнении некоторого инстинктивного поведения пороговое значение запускающего его раздражения снижается. Аналогичные явления встречаются и у людей.

Напор агрессии тем опаснее, чем больше члены группы знают, понимают и любят друг друга. В такой ситуации, как я могу утверждать по собственному опыту, резко снижаются пороговые значения всех стимулов, вызывающих агрессию и внутривидовую борьбу. Субъективно это выражается в том, что человек отвечает на малейшие выразительные движения своего лучшего друга – стоит тому кашлянуть или высморкаться – реакцией, которая была бы адекватна, если бы ему дал пощечину пьяный хулиган.

Глава 5. Привычка, церемония и колдовство. Переориентация нападения – пожалуй, самое гениальное средство, изобретенное эволюцией, чтобы направить агрессию в безопасное русло. Однако это вовсе не единственное средство такого рода: Великие Конструкторы Эволюции – Изменчивость и Отбор – редко ограничиваются единственным способом. Сама сущность их экспериментальной «игры в кости» часто позволяет им натолкнуться на несколько возможных способов и применить их ради двойной и тройной надежности к одной и той же проблеме.

Сэр Джулиан Хаксли обнаружил, что определенные формы движения в процессе филогенеза утрачивают свою первоначальную функцию и превращаются в чисто «символические» ритуальные церемонии.

Другие ритуалы – те, которые формируются в истории человеческих культур – передаются не наследственным путем, а традицией, так что каждый индивид должен снова их выучить. Неизменным общим элементом как этих простых традиций у животных, так и высочайших культурных традиций у человека является привычка. Заставляя жестко придерживаться уже достигнутого, она играет здесь такую же роль, как наследственность в эволюционном возникновении ритуалов (см. также [Чарлз Дахигг. Сила привычки. Почему мы живем и работаем именно так, а не иначе](#)).

Этнологу мой рассказ напомнит о так называемом «магическом мышлении» многих первобытных народов, которое еще вполне живо и у цивилизованного человека и понуждает большинство из нас прибегать к разного рода уничижительному мелкому колдовству: стучать по дереву, чтобы «отвратить беду», бросать через левое плечо щепотку соли и т.п.

Сущность ритуала как носителя независимых мотивирующих факторов ведет к тому, что он перерастает свою первоначальную функцию коммуникации и приобретает способность выполнять две новых, столь же важных задачи: сдерживание агрессии и формирование связей между особями одного и того же вида.

Вполне правильно и закономерно, что мы считаем «хорошими» те обычаи, которые усвоили от родителей, и свято храним социальные нормы и ритуалы, переданные нам традицией нашей культуры. Но нам приходится использовать всю силу ответственного разума, чтобы не поддаваться естественной склонности относиться к социальным ритуалам и нормам других культур как к неполноценным.

Глава 6. Великий парламент инстинктов. Структура взаимодействия инстинктов напоминает парламент, поскольку представляет собой более или менее целостную систему взаимодействий многих независимых переменных, а ее поистине демократическая процедура основана на историческом опыте, и, хотя она не всегда приводит к настоящей гармонии, но все же

обеспечивает приемлемый компромисс между различными интересами, благодаря которому можно жить.

Простым примером могут служить движения лицевой мускулатуры, которые можно наблюдать у собаки при конфликте между побуждениями к нападению и к бегству (рис. 1).

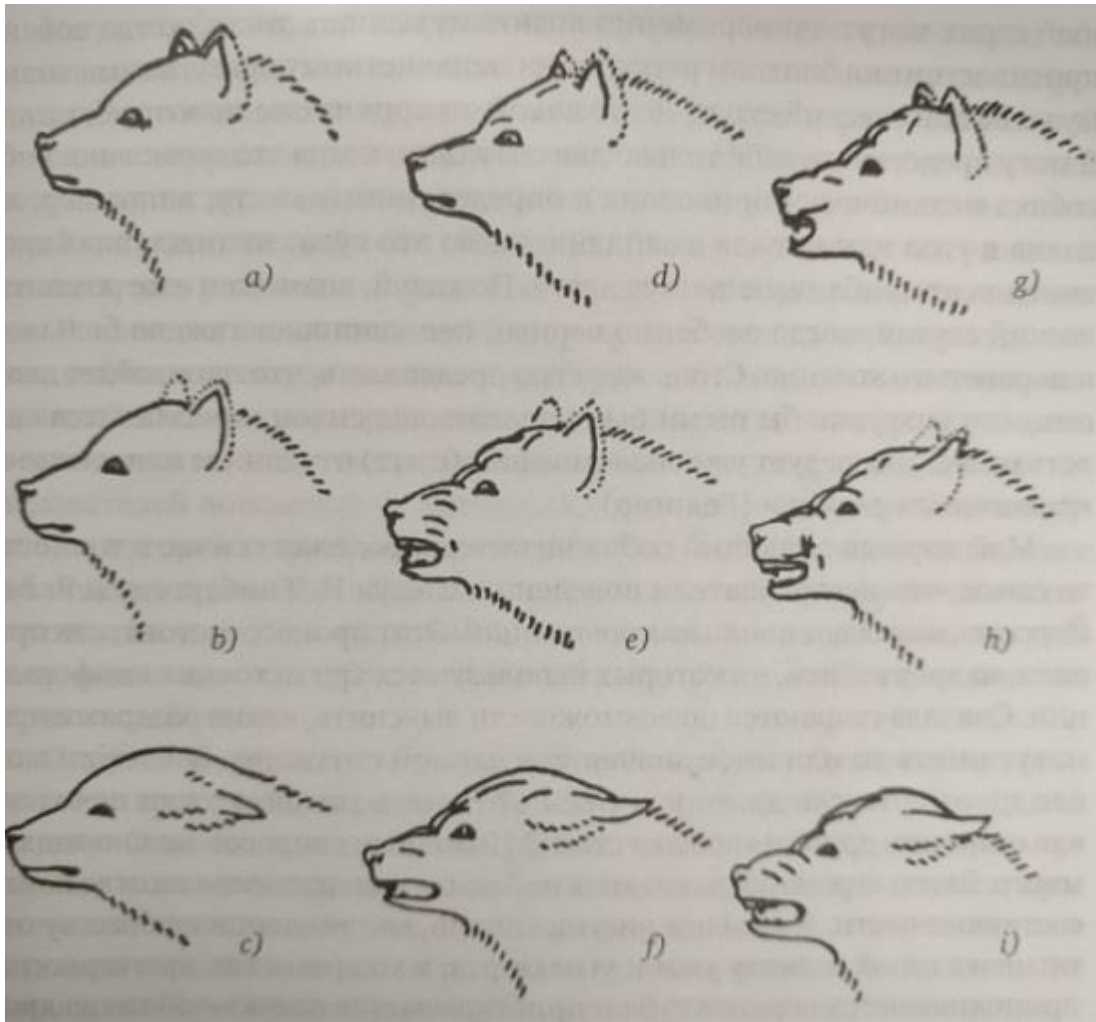

Рис. 1. Движения лицевой мускулатуры при конфликте между побуждениями к нападению и к бегству

Глава 7. Формы поведения, аналогичные моральным. Почему у тех видов животных, для которых совместная жизнь в небольших тесных сообществах является преимуществом, агрессия не была попросту «отменена»: потому, что без ее функций, нельзя обойтись!

Решение проблемы, возникающей таким образом перед обоими Великими Конструкторами Эволюции, достигается всегда одним и тем же способом: инстинкт, в большинстве случаев полезный и даже необходимый, остается без изменения, но в особых случаях, где его проявление было бы вредно, встраиваются весьма специальные механизмы торможения, созданные ad hoc. Культурно-историческое развитие народов и в этом отношении происходит аналогичным образом; именно поэтому важнейшие требования Моисеевых и всех прочих скрижалей – не предписания, а запреты.

Впечатляющий пример поведения, аналогичного человеческой морали, являют так называемые турнирные бои. Вся их организация направлена на то, чтобы выполнить важнейшую задачу поединка – выяснить, кто сильнее, – не причинив при этом серьезного вреда более слабому. Такую же цель преследуют рыцарский турнир и спортивное состязание; поэтому турнирные бои животных не могут не производить даже на знающих людей впечатления «рыцарственности», или «спортивного благородства».

Исследования на индюшках показали, что не существует ничего, что, как целое, могло бы быть названо «материнским инстинктом» или «инстинктом заботы о потомстве»; более того, не

существует даже врожденной «схемы» – врожденного узнавания своих детей. Напротив того, целесообразное с точки зрения сохранения вида обращение с потомством есть функция множества возникших в процессе эволюции форм движения, реакций и торможений, организованных Великими Конструкторами таким образом, что все вместе они действуют при нормальных внешних условиях как целостная система, «как если бы» данное животное знало, что ему нужно делать в интересах выживания вида и его отдельных особей.

Существуют механизмы торможения, препятствующих убийству или серьезному ранению собрата по виду. Во-первых, зависимость между действенностью оружия, которым располагает вид, и механизмами, препятствующими применению этого оружия против братьев по виду; во-вторых, существуют ритуалы, цель которых состоит в том, чтобы приводить в действие у агрессивных братьев по виду именно эти механизмы торможения; в-третьих, на эти механизмы нельзя полагаться абсолютно, иногда они могут и отказать.

Глава 8. Анонимная стая. Под «стаей» мы понимаем скопление особей одного и того же вида, в котором отдельные особи реагируют друг на друга сближением и, следовательно, их удерживают вместе некоторые формы поведения, которые одна или несколько особей вызывают у других. Поэтому для образования стаи характерно, что множество особей, тесно сомкнувшись, движется в одном направлении.

Зачем особи образуют стаи? Ведь имеются очевидные вредные последствия объединения в крупные стаи: большому числу животных трудно прокормиться, у них нет возможности спрятаться (которую естественный отбор оценивает очень высоко), возрастает подверженность паразитам, и т.п. Я могу предложить только одно объяснение. Очень многие, а может быть даже все хищники, охотящиеся на отдельных животных, неспособны сосредоточиться на одной цели, если одновременно в их поле зрения пронесется множество других, равноценных.

Самая первая форма анонимного скопления – рыбы в Мировом Океане. Внутри такого скопления нет ничего похожего на структуру, никаких вожаков и никаких ведомых, лишь громадная масса одинаковых элементов.

Действие внутривидовой агрессии, отталкивающей и отдаляющей друг от друга животных одного вида, противоположно действию стадного инстинкта, так что, само собой, сильная агрессивность и очень тесная сплоченность стаи несовместимы. В большинстве крупных птичьих стай многочисленность и теснота затрудняют сохранение связей между отдельными особями, но по большей части такие животные и не придают этому никакого значения. Идея личной дружбы абсолютно неприменима к такому стадному существу; каждый товарищ так же хорош, как любой другой; хотя ты не найдешь никого лучше, но и никого хуже тоже не найдешь, так что нет никакого смысла цепляться за какого-то определенного члена сообщества как за своего друга и товарища.

Связь, соединяющая такую анонимную стаю, имеет совершенно иной характер, нежели личная дружба, придающая силу и прочность нашему собственному сообществу. Объединение в анонимную стаю и личная дружба исключают друг друга, потому что последняя, как это ни удивительно, всегда связана с агрессивным поведением.

Глава 9. Общественный порядок без любви. У животных возможны и такие отношения между особями, которые соединяют их на долгое время и даже на всю жизнь без возникновения личных связей. Как у людей бывают деловые партнеры, хорошо сработавшиеся, но никогда не проявляющие желания пойти вместе на прогулку, так и у многих видов животных имеются индивидуальные связи, которые осуществляются лишь опосредованно, благодаря общим интересам партнеров в некотором общем «предприятии» – или, лучше сказать, которые и состоят в этом предприятии.

Например, так ведут себя ящерицы и наши домашние аисты. Эрнст Шютц делал весьма показательное наблюдение над аистами, гнездившимися на крыше его дома. В том году самец вернулся рано, а через несколько дней, когда он был дома и стоял на гнезде, появилась чужая самка. Самец приветствовал чужую даму, щелкнув клювом; она тотчас же спустилась к нему на гнездо и так же приветствовала его. Самец без колебаний впустил ее и обращался с нею точь-в-точь, до мелочей, так, как всегда обращается аист-самец со своей долгожданной супругой при ее возвращении.

Оба они были уже поглощены ремонтом гнезда, когда вдруг явилась прежняя самка. Между аистихами началась борьба за гнездо не на жизнь, а на смерть. А самец наблюдал за ними без всякого интереса и даже не подумал принять сторону прежней супруги против новой или наоборот. В конце концов новая самка улетела, побежденная «законной» супругой, а самец после смены жен продолжал свои занятия по устройству гнезда с того самого места, где его прервал поединок соперниц. Ничто не показывало, что он вообще заметил двойную замену одной супруги на другую.

Глава 10. Крысы. Известно, что сообщества общественных насекомых, зачастую насчитывающие до нескольких миллионов членов, по существу являются семьями, поскольку состоят из потомков одной-единственной самки или одной пары, основавшей колонию. Члены такой гигантской семьи узнают друг друга по характерному запаху. В 1950 г. стало известно, что у млекопитающих – а именно, у грызунов – тоже существуют гигантские семьи, которые ведут себя так же.

Внутри стаи не бывает серьезной борьбы, самое большее мелкие трения, которые разрешаются ударами передней лапки или наступанием задней, но укусами – никогда. Внутри стаи не существует также индивидуальной дистанции; напротив, крысы – «контактные животные»: они охотно касаются друг друга.

Внутри стаи быстро распространяются сообщения – посредством передачи настроений. Кроме того, что всего важнее, приобретенный опыт сохраняется и передается путем традиции. Стоит лишь нескольким животным из стаи наткнуться на приманку и не взять ее, и ни один из членов стаи к ней больше не подойдет. Знание об опасности той или иной приманки передается из поколения в поколение и надолго переживает тех индивидуумов, которые столкнулись с неприятными переживаниями. Именно поэтому успешно бороться с серой крысой – наиболее преуспевшим биологическим противником человека – особенно трудно.

Для чего же нужна ненависть между стаями крыс? Какая задача, имеющая значение для сохранения вида, породила такое поведение? Самое ужасное обстоятельство – для нас, людей, в высшей степени тревожное – состоит здесь в том, что этот старый добрый дарвинистский ход мыслей применим только тогда, когда отбор происходит под действием какой-то внешней причины, то есть причины, лежащей в окружающем мире, внешнем по отношению к данному виду. Только в этом случае отбор приводит к приспособлению. Но когда отбор происходит под действием одного лишь соперничества собратьев по виду – тогда возникает, как мы уже знаем, огромная опасность, что в слепой конкуренции они загонят друг друга в самые нелепые тупики эволюции.

Глава 11. Союз. Формы поведения, характеризующие объективно устанавливаемым стремлением держаться вместе, составляют ту личную связь, которая является предметом этой главы. Эту связь я буду в дальнейшем называть *союзом*, а охватываемое ею сообщество буду называть *группой*. В противоположность безличному сообществу анонимной стаи – реакции, заставляющие группу держаться вместе, тесно связаны с индивидуальностями ее членов. Образование настоящей группы основано на способности отдельного животного избирательно реагировать на индивидуальность другого. Предпосылкой образования группы является личное узнавание партнеров в любых возможных обстоятельствах. Эволюционной праформой личного союза и группы несомненно является солидарность пары, сообща заботящейся о потомстве.

Каким же образом в ходе эволюции, два Великих Конструктора сумели соединить в семью двух яростно агрессивных животных, которые неизбежно действуют друг на друга своей внешностью, расцветкой и поведением, как красная тряпка на быка? И эта задача, трудная уже сама по себе, еще затрудняется тем дополнительным требованием, что ни у одного из супругов внутривидовая агрессивность не должна ослабеть. Ритуализованная переориентация использует неизбежно исходящие от одного из супругов ключевые раздражения, вызывающие агрессивность, чтобы натравить его партнера на соседа. Этот механизм поведения я нахожу поистине гениальным и притом гораздо более рыцарственным, чем аналогичное, но с обратным знаком, поведение человека, который вечером, придя домой, срывает злость на соседа или начальника на своей несчастной жене!

Основанные на ритуализованной переориентации нападения механизмы поведения, предотвращающие борьбу, сходным образом возникают у очень многих разных животных.

Понятие «нормального» – одно из самых трудноопределимых во всей биологии; но в то же время оно, к сожалению, столь же необходимо, как и противоположное ему понятие патологического. Мой друг Бернгард Гелльман имел обыкновение, сталкиваясь с чем-нибудь особенно причудливым или необъяснимым в строении или поведении какого-либо животного, задавать наивный с виду вопрос: «Входило ли это в намерения Конструктора?» В самом деле, единственная возможность охарактеризовать «нормальную» структуру состоит в том, чтобы установить, что это та самая структура, которая должна была выработаться под селекционным давлением ее видосохраняющей функции именно в этой и ни в какой другой форме. К несчастью, это определение оставляет в стороне все то, что развилось так, а не иначе по чистой случайности, но вовсе не обязательно подпадает под понятие ненормального, то есть патологического. Однако мы понимаем под «нормальным» отнюдь не среднее, полученное из всех наблюдавшихся случаев; скорее это выработанный эволюцией тип, который по понятным причинам осуществляется в чистом виде редко или никогда не осуществляется. Тем не менее эта чисто идеальная конструкция необходима, чтобы на ее фоне выделялись нарушения и отклонения.

По принципиальным гносеологическим соображениям мы считаем научно неправомерными любые утверждения о субъективных переживаниях животных, за исключением одного: что такие переживания у животных есть. Нервная система животного отличается от нашей, так же, как и происходящие в ней физиологические процессы, и можно не сомневаться, что переживания, соответствующие этим процессам, также качественно отличаются от наших. Но эта гносеологически чистая установка в отношении субъективных переживаний животных, естественно, никоим образом не означает отрицания их существования. Мой учитель Гейнрот на упрек, будто он видит в животном бездушную машину, обычно отвечал с улыбкой: «Совсем напротив, я считаю животных эмоциональными людьми с крайне слабым интеллектом!» Мы не знаем и не можем знать, что субъективно происходит с гусем, проявляющим все объективные симптомы человеческого горя, но не можем не испытывать ощущения, что его страдание сродни нашему!

Мы знаем, что некоторые животные полностью лишены внутривидовой агрессии и всю жизнь держатся в прочно связанных стаях. Можно было бы подумать, что таким существам предначертано развитие постоянной дружбы и братской сплоченности отдельных особей; но как раз у этих мирных стадных животных ничего подобного никогда не бывает, их сплоченность всегда совершенно анонимна. Личный союз, личную дружбу мы находим только у животных с высокоразвитой внутривидовой агрессией; более того, этот союз тем прочнее, чем агрессивнее вид.

Личный союз возник в ходе великого становления в тот момент, когда у агрессивных животных появилась необходимость в совместной деятельности двух или более особей для некоторой цели, служащей сохранению вида, – вероятно, большей частью для заботы о потомстве. В большинстве известных случаев это происходило путем ритуализации переориентированного нападения или переориентированной угрозы. Возникающие таким образом ритуалы связаны с личностью партнера; в дальнейшем они превращаются в самостоятельные инстинктивные действия и становятся потребностью, тем самым превращая в насущную потребность также и постоянное присутствие партнера, а его самого в «животное с притягательной силой родного дома».

Внутривидовая агрессия на миллионы лет старше личной дружбы и любви. В течение долгих эпох истории Земли несомненно существовали чрезвычайно свирепые и агрессивные животные. Таковы почти все рептилии, каких мы знаем сегодня, и трудно предположить, что в давние времена было иначе. Но личный союз известен только у костистых рыб, у птиц и у млекопитающих, то есть у групп, возникших не раньше позднего мезозоя. Так что внутривидовая агрессия без ее противника – любви – вполне возможна, но любви без агрессии не бывает.

От внутривидовой агрессии необходимо четко отличать как особое понятие другой механизм поведения – ненависть, уродливую младшую сестру большой любви. В отличие от обычной агрессии она направлена, как и любовь, на индивида, и, по-видимому, любовь является ее предпосылкой: по-настоящему ненавидеть можно, наверное, лишь то, что любил и все еще любишь, даже если это отрицаешь. Как настоящие естествоиспытатели, мы считаем самоочевидным, что каждая такая форма поведения является функцией некоторой специальной

организации нервной системы, органов чувств и т.д., – иными словами, некоторой соматической структуры, выработанной организмом под давлением отбора.

Глава 12. Проповедь смирения. Можно ли сделать какие-либо выводы из наблюдений и экспериментов над агрессивным поведением животных, применимые к человеку, которые помогли бы предотвратить опасности, угрожающие ему из-за его агрессивности? Серьезно изучить этот вопрос человеку мешает гордыня. «Познай самого себя». (Это изречение Хилона, хотя обычно его приписывают Сократу.) Прислушаться к нему людям препятствуют три фактора, очень сильно окрашенные эмоциями.

Первое препятствие обязано нашему сходству с ближайшими родственниками. Людям легче было бы примириться с их происхождением, если бы они не были знакомы с шимпанзе. Измеренный человеческой меркой, шимпанзе вполне естественно воспринимается как нечто отвратительное, как некая сатанинская карикатура на нас самих. Вторая преграда для самопознания – эмоциональный протест против вывода, что наши поступки и наши возможности подчинены законам естественной причинности. Третья очень трудно преодолимая преграда для самопознания человека, по крайней мере в нашей западной культуре, – наследие идеалистической философии. Эта преграда возникла из-за разделения мира на две части: внешний мир вещей и постижимый разумом мир внутренней закономерности человека; первый идеалистическое мышление считает в принципе безразличным к ценностям и признает ценность лишь за вторым. Такое разделение побуждает мириться с эгоцентризмом человека, потворствуя его нежеланию зависеть от законов природы.

В наши дни естествоиспытателей часто обвиняют в том, что они будто бы наклевали на человечество ужасные напасти, дав ему слишком большую власть над природой. В самом деле, опасность для современного человечества проистекает не столько из его способности властвовать над физическими явлениями, сколько из неспособности разумно направлять социальные процессы. Но в этой неспособности повинно не что иное, как непонимание причин социальных процессов, которое является, как я надеюсь показать, непосредственным следствием трех препятствий к самопознанию, порожденных высокомерием.

Дело в том, что эти препятствия относятся к исследованию только тех явлений человеческой жизни, которые представляются людям высокими ценностями – иными словами, тех, которыми они гордятся. Необходимо самым отчетливым образом уяснить себе, что если нам сегодня хорошо известны функции нашего пищеварительного тракта и благодаря этим знаниям медицина, особенно полостная хирургия, ежегодно спасает жизнь тысячам людей, то мы обязаны этим исключительно тому счастливому обстоятельству, что работа этих органов ни у кого не вызывает особого почтения и благоговения. Если, с другой стороны, человечество в бессилии останавливается перед патологическим разложением своих социальных структур, если оно, обладая ядерным оружием, не сумело выработать более разумных форм социального поведения, чем у других видов животных, то это в значительной степени объясняется его высокомерием: оно так высоко ценит свое поведение, что исключает его из числа доступных изучению природных явлений.

Существует, как я думаю, простое средство примирить людей с тем, что они сами – часть природы и возникли без нарушения ее законов в ходе естественного становления: нужно лишь показать им, как велика и прекрасна вселенная и насколько достойны благоговения, царящие в ней законы. Прежде всего, я твердо убежден, что человек, достаточно знающий об эволюционном становлении органического мира, не может внутренне сопротивляться осознанию того, что и сам он обязан своим существованием этому самому величественному из всех природных явлений.

Еще одна причина широко распространенного неприятия эволюционного учения – глубокое почтение, которое мы, люди, испытываем к своим предкам.

Слова «развитие» и «эволюция» возникли в то время, когда люди не имели понятия о творческом становлении видов, а знали только о возникновении отдельного существа из яйца или семени. Цыпленок из яйца или подсолнух из семечка в самом деле развивается в буквальном смысле – из зародыша не возникает ничего, что не было бы в нем заложено с самого начала. Совсем иначе растет Великое Древо Жизни. Хотя древние формы являются необходимой предпосылкой для возникновения их более развитых потомков, этих потомков никоим образом нельзя вывести из

исходных форм или предсказать по свойствам этих форм. То, что из динозавров получились птицы или из обезьян люди, – это в каждом случае исторически единственный результат процесса эволюции. Этот процесс хотя и направлен в целом к высшему – согласно законам, управляющим всей жизнью, – но во всех отдельных проявлениях определяется так называемой случайностью, то есть бесчисленным множеством побочных причин, которые в принципе невозможно охватить во всей полноте. В этом смысле «случайно», что в Австралии из примитивных предков возникли эвкалипты и кенгуру, а в Европе и Азии – дубы и люди.

Глава 13. Ессе homo [Се человек (лат.)]. Допустим, что некий объективный этолог сидит на другой планете – скажем, на Марсе – и изучает социальное поведение людей с помощью телескопа, увеличение которого слишком мало, чтобы можно было узнавать отдельных людей и проследивать их индивидуальное поведение, но вполне достаточно, чтобы наблюдать такие крупные события, как переселения народов, битвы и т. п. Ему никогда не пришло бы в голову, что человеческое поведение направляется разумом или тем более ответственной моралью.

Как же получается, что эти якобы разумные существа могут вести себя столь неразумно? Совершенно очевидно, что здесь должны действовать какие-то подавляюще сильные факторы, способные полностью отнимать управление у индивидуального человеческого разума, но совершенно неспособные «учиться на опыте». Как сказал Гегель, опыт истории учит нас, что люди и правительства ничему не учатся у истории и не извлекают из нее никаких уроков.

Все эти поразительные противоречия получают полное и естественное объяснение, если не побояться осознать, что социальное поведение людей диктуется отнюдь не только разумом и культурной традицией, но все еще подчиняется всем закономерностям, характерным для любого филогенетически возникшего поведения – тем закономерностям, которые хорошо нам известны благодаря изучению поведения животных. За последнее время происходят настолько быстрые и решительные изменения в условиях жизни человека, что о них разбилась способность его инстинктов к приспособлению.

Из главы о поведении, аналогичном моральному, мы уже знаем о тормозящих механизмах, которые у различных общественных животных сдерживают агрессию и предотвращают убийство собратьев по виду и нанесение им повреждений. Эти механизмы, естественно, наиболее важны и потому наиболее развиты у тех животных, которые в состоянии легко убить живое существо примерно таких же размеров, как они сами.

К сожалению, человек от природы сравнительно безобидное всеядное существо без естественного – составляющего часть тела – оружия, которым можно было бы убивать крупных животных. Именно поэтому у него нет и тех возникших в процессе эволюции механизмов безопасности, которые удерживают всех «профессиональных» хищников от применения оружия против собратьев по виду.

Во времена предыстории человека никакие особенно развитые механизмы для предотвращения внезапного убийства не были нужны – оно было невозможно и без того. Понятно, что на таких слабо вооруженных животных не действовало селекционное давление, которое могло бы выработать сильные и надежные запреты убийства, совершенно необходимые для выживания видов, обладающих опасным оружием. И когда с изобретением искусственного оружия внезапно открылись новые возможности для убийства, прежнее равновесие между сравнительно слабым торможением агрессии и столь же слабыми возможностями убийства было резко нарушено.

Если открытия человека не привели его – по крайней мере до сих пор – к гибели, то лишь благодаря тому, что он способен ставить перед собой вопросы о последствиях своих поступков и отвечать на них. К сожалению, усовершенствование техники убийства привело к тому, что его последствия не хватают за душу того, кто его совершил. Расстояние, на котором действует огнестрельное оружие, предохраняет убийцу от раздражающей ситуации, которая в противном случае предстала бы перед ним в чувствительной близости во всем ужасе своих последствий.

Внутривидовой отбор и сейчас действует в нежелательном направлении, поощряя инстинктивные мотивы стяжательства, тщеславия и т. п. и столь же интенсивно подавляет простую порядочность. Нынешняя коммерческая конкуренция грозит вызвать гипертрофию таких побуждений, не менее ужасную, чем гипертрофия внутривидовой агрессии, вызванная войнами каменного века. Хорошо

еще, что богатство и власть не ведут к многочисленности потомства, иначе положение человечества было бы еще хуже. Наряду с оружием и внутривидовым отбором человечество получило в придачу к высокому дару понятийного мышления третий источник бед – головокружительно ускоряющийся темп развития. Благодаря понятийному мышлению и всему, что ему сопутствует, прежде всего символическому словесному языку, у человека возникла способность, которая не дана никакому другому живому существу.

Даже если какую-нибудь важную для сохранения вида особенность или способность приобретает один-единственный индивид, она сразу становится общим достоянием популяции; именно этим вызвано ускорение исторического становления во много тысяч раз, вошедшее в мир вместе с понятийным мышлением. Процессы приспособления, требовавшие прежде целых геологических эпох, теперь могут происходить в течение немногих поколений. На эволюцию, на филогенез, протекающий медленно, почти незаметно в сравнении с новыми процессами, отныне накладывается история; над филогенетически возникшим сокровищем генома поднялось высокое здание культуры, приобретенной в процессе исторического развития и передаваемой с помощью механизма традиции.

Ахиллесова пята всех культурных достижений человека – их зависимость от индивидуальной модификации, от обучения. Очень многие врожденные формы поведения, свойственные нашему виду, от этого не зависят.

Представьте себе, что вы живете в сообществе вместе с десятью-пятнадцатью лучшими друзьями, их женами и детьми. Эти несколько мужчин неизбежно должны стать побратимами; они друзья в самом подлинном смысле слова. Каждый не раз спасал другому жизнь, и, хотя между ними может иногда возникать, как у мальчишек в школе, какое-то соперничество из-за рангового порядка, из-за девушек и т. д., оно неизбежно отходит далеко на задний план перед постоянной необходимостью вместе защищаться от враждебных соседей. Я думаю, что при таких обстоятельствах, в таком содружестве пятнадцати мужчин каждый из нас уже по естественной склонности соблюдал бы десять заповедей Моисея по отношению к своему товарищу и не стал бы ни убивать его, ни клеветать на него, ни посягать на жену его или на что бы то ни было ему принадлежащее.

Иными словами, естественные склонности человека не так уж дурны. Однако, уже увеличение числа принадлежащих к сообществу индивидов имеет два неизбежных последствия, нарушающих равновесие между важнейшими инстинктами взаимного притяжения и отталкивания, то есть между личным союзом и внутривидовой агрессией. Во-первых, когда индивидов становится слишком много, это вредно для личных связей. Во-вторых, скученность множества индивидов на малом пространстве приводит к притуплению всех социальных реакций.

Можно ожидать, что цивилизация будет развиваться во все более быстром темпе. Разрыв между тем, что человек готов сделать для общества по естественной склонности, и тем, чего общество от него требует, будет углубляться, и его чувству ответственности все труднее будет этот разрыв преодолевать. Невозможно указать никаких преимуществ в отношении отбора, которые хоть один человек мог бы получить в наши дни благодаря обостренному чувству ответственности или естественной доброте. Напротив, есть серьезные основания опасаться, что нынешняя коммерческая организация общества под поистине дьявольским влиянием соперничества производит отбор в прямо противоположном направлении.

Когда мы мужественно встаем на защиту того, что представляется нам высочайшей ценностью, наша нервная система использует такие же пути, что и при реакции социальной защиты у наших предков-антропоидов. Я воспринимаю это не как отрезвляющее напоминание, а как весьма серьезный призыв к осознанию природы наших чувств и действий. Человек, у которого такой реакции нет, – калека в отношении инстинктов, и мне не хотелось бы с ним дружить. Но тот, кто дает себя увлечь слепой рефлекторности этой реакции, представляет угрозу для человечества, ибо он – легкая добыча для демагогов, так же хорошо умеющих искусственно создавать ситуации, запускающие человеческую агрессивность, как мы, специалисты по физиологии поведения, умеем это делать с подопытными животными. Когда при звуках старой песни или даже марша по мне хочет пробежать священный трепет, я обороняюсь от искушения, говоря себе, что, когда

шимпанзе подстрекают друг друга к совместному нападению, они тоже производят ритмический шум. Подпевая, мы протягиваем палец дьяволу.

Глава 14. Исповедую надежду. Я думаю, что мог бы преподать нечто такое, что исправило бы людей и наставило бы их на лучший путь. Направления, в которых, по-видимому, будет развиваться прикладная этология, уже начинают определяться. Одно из них – объективное физиологическое исследование возможностей разрядки агрессии в ее первоначальной форме на замещающие предметы.

Даже при своем нынешнем скромном уровне наши знания о природе агрессии не лишены практического значения. Если мы можем уверенно сказать, что *не* получится, это уже представляет практическую ценность. Во-первых, ее заведомо невозможно выключить, избавив людей от раздражающих ситуаций; во-вторых, с ней невозможно справиться, наложив на нее морально мотивированный запрет.

В культурной жизни людей развилась особая ритуализованная форма борьбы – *спорт*. Он предотвращает вредные для общества воздействия агрессии, не затрагивая ее функций, необходимых для сохранения вида. Он не только превосходно открывает клапан для накопившейся агрессии в ее более грубых, более индивидуальных и эгоистических проявлениях, но и позволяет полностью изживать себя ее особой, более дифференцированной коллективной форме.

Состязания между народами благотворны не только потому, что создают возможность разрядки национального воодушевления. Они имеют еще два следствия, противостоящие опасности войны: во-первых, они способствуют личному знакомству между людьми, принадлежащими к разным народам и партиям, во-вторых, прокладывают путь объединяющему воздействию воодушевления – благодаря тому, что люди, в остальном имеющие мало общего, воодушевляются одними и теми же идеалами.

Личное знакомство – не только предпосылка действия сложных механизмов, тормозящих агрессию: оно и само по себе способствует притуплению агрессивных побуждений. Анонимность значительно облегчает запуск агрессивного поведения (это знание использовал Филип Зимбардо в своем тюремном эксперименте; см. [Эффект Люцифера](#)). Ни один человек не может ненавидеть народ, среди которого у него есть несколько друзей.

Еще одна мера – разумное и критическое овладение реакцией *воодушевления*. В ситуации, вызывающей воодушевление, участвуют три независимых переменных: первая – то, в чем видят ценность, которую нужно защитить; вторая – угрожающий этой ценности враг; третья – товарищи, единство с которыми человек ощущает, встав на защиту находящейся под угрозой ценности. Еще один, менее существенный фактор – вождь, призывающий к «священной» борьбе.

Воодушевление, объединяющее отдельные группы, может привести к вражде между ними – в случае, если каждая из них выступает за определенный четко очерченный идеал и идентифицирует себя только с ним. Как справедливо указывал И. Холло, в наше время национальные идентификации очень опасны именно потому, что имеют очень четкие границы. Можно чувствовать себя «настоящим американцем» в противоположность «этим русским», и наоборот.

Кому доступно много ценностей, кто, воодушевляясь ими, ощущает единство со всеми людьми, которых тоже воодушевляют музыка, поэзия, красота природы, наука и многое другое – тот может реагировать незаторможенной боевой реакцией только на людей, не участвующих ни в одной из этих групп. Следовательно, нужно увеличивать число таких идентификаций, а для этого есть только один путь – улучшение общего образования молодежи.